

Кияшко Андрей Владимирович

БОРХЕС И МИФ О ВЕЧНОМ ВОЗВРАЩЕНИИ

Статья раскрывает динамику осмысления философской концепции мифа о вечном возвращении в творчестве аргентинского писателя Хорхе Луиса Борхеса во второй половине 1930-х – начале 1940-х годов. В ранних попытках описания мифа прослеживается тенденция к буквальному (вплоть до математического) его трактованию, с последующим опровержением. Однако в дальнейшем Борхес находит другую точку зрения на эту мифологическую концепцию, признавая ее скорее архетипом, и встраивает ее в свою крайне субъективистскую картину понимания мира. В статье использованы источники, ранее на русский язык не переводившиеся.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2013/12-1/30.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2013. № 12 (30): в 2-х ч. Ч. I. С. 108-111. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2013/12-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

баллада, чей сказочный сюжет дан сквозь призму авторского сознания. Переживания лирического героя накладывают отпечаток лиричности и на все произведение.

Итак, переводчику «Лорелеи» Каролине Павловой нужно отдать должное за первую попытку воспроизведения немецкого стихотворения на русском языке. Этнокультурная адаптация произведения немецкой культуры существенно не отразилась на переводе. В нем мало собственной индивидуальности и духа времени, голос автора трудно угадать. Концептуально перевод скорее адекватен оригиналу, однако обратим внимание на неточность передачи настроения стихотворения, его ритмики, некоторые стилистические ошибки. Все это указывает на возможность дальнейших попыток переложения оригинала. Перевод К. Павловой стал фактом начавшейся богатой истории переводов «Лорелеи» в России.

Предложенный анализ является частью методики изучения лирического произведения на иностранном языке в контексте истории его художественных переводов.

Список литературы

1. **Даль В. И.** Толковый словарь живого великорусского языка: в 4-х т. М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1955. Т. 2. 780 с.
2. **Даль В. И.** Толковый словарь живого великорусского языка: в 4-х т. М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1955. Т. 4. 684 с.
3. **Павлова К. К.** Полн. собр. соч. Л.: Советский писатель, 1964. 616 с.
4. **Файнштейн М. Ш.** Писательницы пушкинской поры: историко-литературные очерки. Ленинград: Наука, 1989. 176 с.
5. **Эткинд Е. Г.** Поэтический перевод в истории русской литературы // Мастера русского стихотворного перевода / вступ. статья, подг. текста и примеч. Е. Г. Эткинда. Л.: Советский писатель, 1968. Кн. 1. 528 с.
6. **Karst T.** «Ich weiß nicht, was soll es bedeuten» Heines Loreley: Gedicht und seine Vorläufer im Unterricht // Die Unterrichtspraxis / Teaching German. 1968. Vol. 1. № 2. S. 36-53.

TRANSLATION ANALYSIS OF H. HEINE'S POEM «ICH WEISS NICHT, WAS SOLL ES BEDEUTEN» BY K. PAVLOVA BY EXAMPLE OF LYRICAL WORK STUDY IN FOREIGN LANGUAGE

Kirsanova Kseniya Georgievna
Moscow State Pedagogical University
magwai4@mail.ru

The article presents the literary translation analysis of H. Heine's poem «*Ich weiss nicht, was soll es bedeuten*» by K. Pavlova as the study methods part of the lyrical work in its different time translations review context. Carried out complex and comparative and contrastive analysis in the single implementation allow the students to disclose both the existing aspects of the translation and extend their understanding of the original text.

Key words and phrases: analysis of literary translation; complex analysis; study methods of literary translation; translation work of K. Pavlova.

УДК 82-96

Филологические науки

Статья раскрывает динамику осмысления философской концепции мифа о вечном возвращении в творчестве аргентинского писателя Хорхе Луиса Борхеса во второй половине 1930-х – начале 1940-х годов. В ранних попытках описания мифа прослеживается тенденция к буквальному (вплоть до математического) его трактованию, с последующим опровержением. Однако в дальнейшем Борхес находит другую точку зрения на эту мифологическую концепцию, признавая ее скорее архетипом, и встраивает ее в свою крайне субъективистскую картину понимания мира. В статье использованы источники, ранее на русский язык не переводившиеся.

Ключевые слова и фразы: Борхес; миф о вечном возвращении; архетип; учение о циклах; латиноамериканская литература.

Княшко Андрей Владимирович

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
ankey888@gmail.com

БОРХЕС И МИФ О ВЕЧНОМ ВОЗВРАЩЕНИИ[©]

Миф является не только контекстом, но и полноправным героем произведений аргентинского писателя Хорхе Луиса Борхеса. На страницах его произведений люди играют, скорее, второстепенную роль – они чаще

всего крайне схематично изображены и исполняют функцию проводника – настоящим героем работ Борхеса является человеческая культура, знатоком и ценителем которой был аргентинский писатель, которого иногда называют Великим Библиотекарем.

Оставив за скобками биографические детали жизни Борхеса, мы обратимся к страницам рассказов, посредством которых автор излагает не столько повествование, сколько отпечаток своего философского мировоззрения, выделяя какое-то из неотъемлемых свойств человеческого сознания, формирующее восприятие человеком окружающего мира.

Как пишет Мирча Элиаде, «определенные аспекты и функции мифического мышления являются конститутивными для человека» [Цит. по: 4, с. 340].

Несмотря на то что наука за последние сто лет стала четче представлять механизм работы архетипов, которые заставляют нас испытывать определенные эмоции и мыслить определенными категориями, работа подсознания до сих пор остается не до конца проясненным явлением. На протяжении XX века наука все больше убеждалась в том, что сознательное не в состоянии существовать без подсознательного, без архетипов, без мифологических процессов. Отвергая свою животную, первобытную сущность, человек не стал человечнее.

Борхес, на страницах произведений которого мы часто можем встретить практически первобытный страх перед бессознательным (лабиринт, зеркало и т.д.), не относится к числу тех мыслителей, которые недооценивали значение мифологического. Одним из центральных мифов в его творчестве является миф о вечном возвращении, к которому, по словам самого Борхеса, писатель постоянно возвращался.

Миф о вечном возвращении: попытки осмысления Борхесом

1. «Учение о циклах» (1936), арифметическое понимание

Борхес много раз принимался за осмысление мифа о вечном возвращении. Обратимся к раннему сборнику «История вечности» 1936 года издания.

В своем эссе «учение о циклах» Борхес обращает внимание на позицию Ницше, изложенную в произведении «Так говорил Заратустра».

Борхес относится к ницшеанской концепции вечного возвращения как к «перестановке», которая происходит внутри изменчивой внутренней сущности вещей: «Число атомов, образующих вселенную, хотя и невысказанно велико, но все же конечно и, как свойственно числу конечному (хотя и невысказанно огромному), имеет определенное количество перестановок. По прошествии бесконечно большого срока количество перестановок достигнет предела и вселенная должна повториться. Ты снова родишься из чрева, снова твой скелет будет расти, снова эта же страница попадет в те же твои руки. Таков обычный ход рассуждений на эту тему, начиная с банального вступления и до чудовищной, пугающей развязки» [1, т. 1, с. 335].

Мексиканский исследователь творчества Борхеса Хавьер Акоста Эскареньо считает, что такое понимание вечного возвращения вполне вписывается в круг, очерченный Платоном, где повторение вселенной, включая «твое рождение», является необходимостью. Существует убежденность, что субъект обновляет себя, и поэтому существует кто-то, к кому возвращается бытие, устанавливая, таким образом, континуум между двумя версиями одного и того же, где одно является продолжением другого.

Но в этой трактовке Борхеса вселенная не всемогуща. Она способна только на некоторое (хоть и невероятное) количество перестановок. Перестановка – это варьирование расположения и порядка, в котором находятся две и более вещи, – и поэтому, как утверждает Акоста, речь идет о таком виде архетипа, в котором с вечностью (бесконечностью времени) должно смириться [6, р. 262]. Не только в тех случаях, о которых говорится в процитированном выше тексте, но и в повседневной цепи перестановок. Они, согласно трактовке Борхесом мифа о вечном возвращении, продолжают некую исчерпавшую себя последовательность, которая должна начаться снова. В какой-то момент, когда число – невообразимое, но конечное – подходит к концу, нужно заново начинать цикл. Речь идет о числе, написанном подобно периодической десятичной дроби, которая повторяется до бесконечности.

Очертив, таким образом, свое понимание ницшеанской концепции, молодой Борхес задается целью опровергнуть ее.

В качестве иллюстрации к своему контраргументу Борхес приводит теорию бесконечных множеств Георга Кантона.

«Ряд точек в пространстве (или мгновений во времени) невозможно расположить в таком порядке – ни у одного члена тут нет ни непосредственного предшественника, ни последователя. Мы тут имеем дело как бы с дробями, расположенными в ряд по величине. Какую дробь мы назовем после $1/2$? Не $51/100$, потому что $101/200$ будет ближе; не $101/200$, потому что еще ближе будет $201/400$; не $201/400$ потому что и т.д.» [1, т. 1, с. 338].

Такое «арифметическое» опровержение не многим отличается от возражения Зенона против исчислимости движения в «Состязании Ахиллеса и черепахи», которое сам Борхес очень любил обыгрывать. Борхес тоже утверждает невозможность достичь конца серии – в этом случае той точки, в которой наступает возвращение.

Хавьер Акоста, к которому мы обращались ранее, здесь берет на себя смелость утверждать, что Борхес совершает ту же ошибку, которая содержится в древнегреческом парадоксе, – путает «невозможность вычислить движение с невозможностью самого движения» [6, р. 364].

Итак, Борхес, воспринявший теорию Ницше буквально и пытавшийся опровергнуть ее умозрительными рассуждениями, сам попал в ловушку.

Миф о вечном возвращении легко уворачивается от попыток описать его чисто математически, так как является скорее аспектом мировоззренческой деятельности, парадоксом восприятия человеком времени, принадлежащим более к философии, чем к точным наукам.

Это доказывается тем, что в своем позднем творчестве Борхес не раз еще возвращается к теме вечного возвращения, находя в ней эстетическое отражение страха человека перед бесконечностью, которую тот не может себе представить. То, что представлению не поддается, подсознательно объясняется человеком самому себе – и таким объяснением и является мотив бесконечного повторения.

2. «Вавилонская библиотека» (1941), релятивизм вечного возвращения

В дальнейшем творчестве Борхеса бесконечное повторение вернется, при этом оно будет приобретать некоторые математические обертона, несмотря на опровержение Георга Кантора, которое мы описали в предыдущей главе. Рассмотрим один из канонических рассказов Борхеса – «Вавилонская библиотека».

Испано-венесуэльский исследователь творчества Борхеса Хуан Нуньо называет описанную в рассказе концепцию «периодичной бесконечностью» [7, р. 45]. Тома в «Вавилонской библиотеке» «повторяются в том же беспорядке».

«Вселенная – некоторые называют ее Библиотекой – состоит из огромного, возможно, бесконечного числа шестигранных галерей, с широкими вентиляционными колодцами, огражденными невысокими перилами. Из каждого шестигранника видно два верхних и два нижних этажа – до бесконечности.

Устройство галерей неизменно: двадцать полок, по пять длинных полок на каждой стене; кроме двух: их высота, равная высоте этажа, едва превышает средний рост библиотекаря. <...> ...На каждой полке – тридцать две книги одного формата, в каждой книге четыреста страниц, на каждой странице сорок строчек, в каждой строке около восьмидесяти букв черного цвета» [1, т. 2, с. 235].

Таким образом, автор заставляет нас обратить внимание на то, как поражают человеческое воображение все возможные комбинации из 25 символов на страницах книг в библиотеке. Это и есть парадокс «ограниченной бесконечности». Лимитированность выражается в ограниченном количестве томов, которое может содержаться в здании, бесконечность же выражается посредством чувства Превосходящего – антиномичного натурального числа, для которого нет возможного полного числового выражения, числа, которое поражает воображение и от которого кружится голова. Фактически речь идет почти о том же понимании вечного возвращения, что было рассмотрено в предыдущей главе. В чем же разница и почему Борхес снова возвращается к ней? В «Вавилонской библиотеке» Борхес вводит в уравнение человеческое сознание, добиваясь, таким образом, психологического эффекта, парадоксального, релятивистского, невозможного при чисто «арифметическом» осмыслении – библиотека не является ни конечной, ни бесконечной.

Хавьер Акоста утверждает, что три версии вечного возвращения – Шопенгауэра, Ницше и Борхеса – невозможно понять, не обратив внимания на эстетические аспекты архетипа, которые, начиная с Шопенгауэра, переворачивают с ног на голову образ мышления – эстетическое созерцание, которое превосходит концепцию, размышления над устройством мира и рациональностью времени [6, р. 362].

Повторение является периодичной бесконечностью, которая бросает тень на представление о сущности времени и онтологического строения мира. Повторяемость растворяет понятие идентичности. Сущность идентичности растворяется в серии повторений, которые предполагает бесконечная библиотека. Повторяемость томов, стоящих на ее полках, предполагает также фатальность, роковую предопределенность этого архетипа. Акоста считает, что реализация Борхесова архетипа сходна с идеей Шопенгауэра – «реальность как представление». Периодичность библиотеки существует только для того, кто ее просматривает, удостоверяться в ее повторениях. Повторение дает нам представление о том, насколько чудовищно велика библиотека, и тем не менее позволяет представить ее себе – хоть это и невероятно. Повторение признается Борхесом-повествователем (как и Борхесом-поэтом) в качестве черты, которая демонстрирует головокружительность реальности. Повторение в таком случае подтверждает возможность существования «чудовищного числа».

«Библиотека безгранична и периодична. Если вечный странник пустился бы в путь в каком-либо направлении, он смог бы убедиться по прошествии веков, что те же книги повторяются в том же беспорядке (который, будучи повторенным, становится порядком – Порядком). Эта изящная надежда скрашивает мое одиночество» [1, т. 2, с. 134].

3. «Глён, Укбар и Орбит Терциус» (1940), субъективный идеализм в крайней степени

Введение Борхесом субъективного восприятия в уравнение вечного возвращения, которое мы рассмотрели выше, не случайно – Борхес переживал увлечение субъективным идеализмом, перерабатывая идеи мыслителей от Платона до Беркли, моделировал в своих рассказах свои представления. В рассказе «Глён, Укбар и Орбит Терциус» Борхес постепенно погружает нас в пространство, обитатели которого «понимают мир как ряд ментальных процессов, развертывающихся не в пространстве, а во временной последовательности» [Там же, с. 202]. Допуская вселенную, которая строится целиком на субъективном идеализме, Борхес моделирует работу платоновского архетипа повторяемости, выведенную на новый уровень.

«В самых древних областях Глёна нередки случаи удвоения потерянных предметов. Два человека ищут карандаш; первый находит и ничего не говорит; второй находит другой карандаш, не менее реальный, но более соответствующий его ожиданиям» [Там же, с. 206].

В концепции Борхеса речь идет об объектах без высшего оригинала. То, что должно быть идеальным объектом, выходит за грань временной логики Платона и сводится к такому объекту, которого не было

в первобытные времена. Хавьер Акоста замечает, что в Тлэне объекты копируются, но не в той последовательности, которую описывает Платон в «Республике», не в «периодическом процессе» – в Тлэне объекты «дублируются» и временами копии превосходят по качеству «оригиналы», а иногда и повторяют оригинальные характеристики объекта.

Таким образом, Борхес растворяет фаталистическую идею о повторяемости в субъективном идеализме, вступает к идее симулякра, так характерной для произведений постмодернизма.

Подобную эволюцию считает характерной для осмысления мифа о вечном возвращении современный французский философ Жиль Делез: «Нужно пройти сквозь явное содержание вечного возвращения, но только для того, чтобы достичь скрытого содержания, лежащего гораздо глубже ("за каждой пещерой еще более глубокая пещера...")» [2, с. 344].

Такой пещерой для Борхеса оказалось понимание времени, которое стало ключевым в его творчестве, после того как его поиски осмысления вечного возвращения разрешились в увлечении писателем субъективным идеализмом.

Заключение

Как мы видим, в своем раннем творчестве Борхес посвятил довольно много времени изучению мифа о вечном возвращении. Эта «ужасная идея» не давала писателю покоя на протяжении 1930-х и до середины 1940-х гг. Начиная с попыток арифметического толкования концепции Ницше, писатель, чувствуя всю ограниченность такого подхода, возвращается к теме вечного возвращения, вводя в уравнение субъективное восприятие, и добивается того, что миф о вечном возвращении превращается в антиномию. Развивая дальше свои рассуждения, Борхес начинает все больше увлекаться идеями субъективного идеализма и в итоге приходит к тому, что идеи Платона, Юма и Беркли, если идти до конца, ведут к тому, что само время становится возможным опровергнуть.

Об этом своем произведении «Новое опровержение времени» (1946) Борхес пишет: «Напечатанное в 1947 году – после Бергсона, – оно останется запоздалым доведением до абсурда идей последнего либо, что еще хуже, пустячной забавой аргентинца, балующегося метафизикой. Оба предположения правдоподобны и, скорей всего, верны; захоти я возразить, у меня в запасе, кроме начатков диалектики, ничего неожиданного нет» [1, т. 3, с. 56].

Тем не менее идеи аргентинского писателя, его смелая интерпретация субъективного идеализма окажут большое воздействие на литературу Латинской Америки и всего мира в XX и XXI веках.

Список литературы

1. **Борхес Х. Л.** Собрание сочинений: в 4-х т. СПб.: Амфора, 2011. Т. 1. 590 с., Т. 2. 484 с., Т. 3. 703 с.
2. **Делёз Ж.** Логика смысла. М.: Раритет, 1998. 368 с.
3. **Ницше Ф.** Сочинения: в 2-х т. М.: Мысль, 1990. Т. 2. 829 с.
4. **Хьюбнер К.** Истина мифа. М.: Республика, 1996. 448 с.
5. **Шевцов К. П.** Понятие прошлого в системе философских категорий // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2013. № 6 (32): в 2-х ч. Ч. 2. С. 210-214.
6. **Escareño J. A.** Schopenhauer, Nietzsche, Borges y el eterno retorno. Madrid: Dpto. de Filosofía IV, Universidad Complutense de Madrid, 2007. 484 p.
7. **Nuño J.** La filosofía de Borges. Barcelona: Reverso, 2005. 246 p.

BORGES AND MYTH OF ETERNAL RETURN

Kiyashko Andrei Vladimirovich
Lomonosov Moscow State University
ankey888@gmail.com

The article reveals the dynamics of philosophical conception understanding related to the myth of eternal return in the works of the second half of the 1930s – the beginning of the 1940s written by Argentine writer Jorge Luis Borges. The tendency to the literal (up to mathematical) interpretations of the myth, followed by denial, is traced in early attempts to describe it. Later, however, Borges found a different point of view on this mythological conception, recognizing it rather as an archetype, and embedded it in his very subjectively picture of the world understanding. The article draws on sources that have not been translated earlier in the Russian language.

Key words and phrases: Borges; myth of eternal return; archetype; doctrine of cycles; Latin American literature.